

Александр Лашманов



Ищайка без прошлого. Голубая яма

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Лашманов

**Ищайка без прошлого.
Голубая яма**

«Автор»

2025

Лашманов А.

Ищейка без прошлого. Голубая яма / А. Лашманов — «Автор», 2025

Тишина — это не отсутствие звука. Это отдельная материя. Густая, тяжёлая, как нефть в венах. Ратмир Дроздов забыл, кем был. Но тело помнит всё: хватку приклада, вес планшета, вкус крови и предательства. Год он прятался в глухой деревне, надеясь, что война кончилась. Война нашла его в «Голубой яме» — с трупом товарища и спецназовской меткой на шее. Единственный ключ к правде — зашифрованный планшет. Единственный проводник — женщина с позывным Багира. Её помощь отдаёт ложью и оружейной смазкой. Чтобы выжить, нужно вспомнить себя. Чтобы отомстить — понять, что прошлое лжёт. Охота началась. И теперь он — не жертва. Он — ищейка, вышедшая на след собственных убийц.

Содержание

ПРОЛОГ.	5
Глава 1. Фермер.	6
Глава 2. Тело.	8
Глава 3. Тайник	10
Глава 4. Встреча	13
Глава 5. Инструктаж.	16
Глава 6. Первый зондаж.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Лашманов

Ищайка без прошлого. Голубая яма

ПРОЛОГ.

Тишина — это не отсутствие звука. Это отдельная материя. Густая, тяжёлая, как нефть в венах.

Он лежал в холодной грязи, вжавшись в склон оврага, и слушал именно её — тишину. Сквозь неё прорывалось лишь редкое потрескивание в наушнике да собственное сердце, отбивающее удары где-то в горле. Запах прелой листвы, пороховой гари от предыдущих выстрелов и чего-то металлического, сладковатого — крови. Не его. Ещё не его.

В прицел ПСО, запотевший от дыхания, плыла грунтовка. В лунном свете она была похожа на грязную ленту, брошенную в степи. По ней должен был пройти конвой. Гражданский. Минивэн и два джипа. Задание было чётким: наблюдение, фотофиксация, уход. Операция «Перевал».

— «Ястреб-1», «Факелу». Статус? — Его собственный шёпот хрипел в ларингофоне.

В ответ — только шипение. Помехи. Нездоровые, глухие, будто кто-то накрыл эфир одеялом. По спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с ноябрьским ветром.

— «Факел», приём. Багира, ты...

Голос в наушниках возник внезапно, перекрывая шум. Искажённый, но до жути знакомый. Женский. Её голос.

— Цель подтверждена. Зелёный свет. Уничтожить.

Он замер. В прицеле всё ещё была пустая дорога. «Уничтожить»? Это... не по протоколу. Не по инструкции.

— Багира, уточни задачу. Я не...

— Приказ прямого приоритета, «Ищайка». Исполнять. — Голос был стальным, без колебаний. Голос автомата.

Адреналин ударил в виски горьким привкусом. Что-то сломалось. Щёлкнуло. Все его инстинкты, отточенные годами, вопили об одном: ловушка.

И в этот миг на дороге вынырнули фары.

Не минивэн. Два грузовика «Урал» с брезентовыми тентами, идущие быстро, без габаритов.

В наушнике — та же густая, смертельная тишина.

Он оторвал глаз от прицела, инстинктивно рванувшись к кнопке на рации, чтобы заглушить этот бред, этот кошмар...

Удар пришёл сзади. Не со стороны дороги, а из тёмной чащи за спиной. Не выстрел. Тупая, сокрушительная сила в районе левой лопатки, сломавшая рёбра, выбившая воздух из лёгких. Он не крикнул. Только ахнул, и мир перевернулся, полетел куда-то вбок, в чёрную жижу на дне оврага.

Земля ударила в лицо. В ушах звенело. Он попытался перекатиться, дотянуться до штурмовки, но тело не слушалось, было тяжёлым и чужим. Сквозь пелену в глазах он увидел чьи-то ноги. Армейские берцы, заляпанные той же грязью. Они медленно, неспешно подошли к нему, остановились в сантиметре от лица.

Последнее, что он успел осознать — странное чувство. Не страх, а дикое, всепоглощающее недоумение. Почему?

Темнота нахлынула не сразу. Сначала она стёрла краски, потом звуки. Последним исчез холодный привкус крови и предательства на языке.

Глава 1. Фермер.

Солнце в Заовражье было особенное — незлое, но безучастное. Оно не грело, а лишь подсвечивало унылую ноябрьскую реальность: голые вѣтлы, пожухлую траву на покосившихся заборах, серое небо, прилипшее к самым макушкам сосен. Воздух пах дымом из печных труб, прелыми листьями и вечной сыростью от ближнего карьера.

Ратмир Дроздов шёл по границе своего участка неторопливой, размеренной походкой фермера. В руках — не автомат, а секатор. Не для дела, просто чтобы руки не пустовали. Ветхий кирпичный дом позади него молчал глухими, запylёнными окнами. Сарай с просевшей крышей стоял боком, будто отворачиваясь от мира.

Он делал это каждое утро. Обход. Ритуал. Попытка вбить в подкорку новые маршруты, новые ориентиры. Тут — яблоня. Там — столб с обрывком провода. За плетнём начинается ничейный пустырь, поросший бурьяном и ржавым металлоломом.

Мозг послушно фиксировал. Но где-то глубже, в тёмных, недоступных закоулках памяти, шевелилось иное чутьё. Что-то, что автоматически оценивало местность с других позиций: укрытия, сектора обстрела, пути отхода.

Ратмир остановился, прикрыл глаза. Вдох. Выдох. Доктор в военном госпитале говорил: «Вам нужно заново научиться жить в тишине, Александрыч. Ваша война кончилась». Он почти поверил. Почти.

Открыв глаза, он заметил сломанную ветку на молодой сосне у забора. Слом был свежий, белая древесина ярко выделялась на фоне серой коры. Ветка висела в неестественном положении — её не ураганом вывернуло, её отодвинули. Аккуратно, чтобы пройти.

Ратмир замер, не меняя позы. Взгляд скользнул по пустырю. Камень, лежавший у края старой колеи, был сдвинут на несколько сантиметров. На нём не было мха с той стороны, которая теперь смотрела вверх.

Следы. Профессионального наблюдения. Не охотника — те топчутся громко, пахнут махоркой и собаками. Эти были тихими, как тени. И приходили не раз.

Тихая волна ярости, холодной и острой, подкатила к горлу. Он её подавил. Загнал глубоко внутрь, туда, где копилось всё остальное: обрывки ночных кошмаров, невнятное чувство потери и постоянный, фоновый гул тревоги. Он повернулся и пошёл дальше, к калитке, ведущей на деревенскую улицу.

У калитки его подждал Виктор, известный на всю округу как Витька-Правдолюб. Он сидел на обледеневшем колодце, кутаясь в прожѣнную ватную куртку, и сосредоточенно тянул из горлышка пластиковой бутылки что-то мутное. Увидел Ратмира, хмыкнул.

— Опасаешь границы, хозяин? — просипел Витька. Голос у него был проржавевший, как эта калитка. — Зря. От супостата забор не спасёт.

— С добрым утром, Виктор, — нейтрально отозвался Ратмир, делая вид, что проверяет замок.

— Какое уж тут доброе, — Витька махнул рукой в сторону леса за околицей. — Опять они, стервецы, по ночам шляются. Землю топчут.

— Кто «они»?

— Охотнички чёрные, — Витька таинственно понизил голос, хотя вокруг кроме них ни души не было. — Не по кабану, не по зайцу. Без собак, без фонарей. Как тени. Я, бывало, с похмелья ночью у сарая курю — вижу. Идут бесшумно. И не в лес, а вдоль опушек, к «Яме» голубой да к тем развалинам старым.

Ратмир перестал возиться с замком.

— Может, грибники?

Витька фыркнул так, что чуть не упал с колодца.

— В ноябре? Грибы у них в голове. Нет, Александрыч... — Он наклонился ближе, и Ратмир почувствовал тяжёлый запах перегара и немытого тела. — Они не по зверю ходят. По людям. Чую.

В этой пьяной чуйке было столько искренней, животной уверенности, что по спине Ратмира пробежали мурашки. Не страх. Узнавание. Его собственные, затоптанные инстинкты пронзительно взвыли в унисон с этим бредом пьяницы.

Витька вдруг посмотрел на него не пьяными, а какими-то удивительно ясными, тоскливыми глазами.

— Я ведь тоже служил, Александрыч. В Афгане. Знаю, как пахнет чужая засада. Ты тут один, как перст. И пахнет от тебя... одной бедой. От греха подальше.

— И чего им в развалинах нужно? — спросил Ратмир, стараясь, чтобы голос звучал просто из любопытства, игнорируя последнюю фразу.

— А хрен их знает, — Витька отхлебнул из бутылки, сморщился, и взгляд снова стал мутным. — Место проклятое. Ещё при советах там что-то секретное копали. Потом бросили. А нынче... — Он оглянулся и прошептал так тихо, что Ратмир прочитал слова по губам больше, чем услышал: — Говорят, Волков там свой склад новых делишек держит. Не легальный. Того... что со старых армейских складов списывают.

Полковник Волков. «Хозяин» района. Ратмир видел его однажды на сельском сходе — грузный, с лицом каменного идола, в дорогой дублёнке поверх камуфляжной формы. Смотрел на всех свысока, как на подчинённых.

— Спасибо, что предупредил, Виктор, — Ратмир кивнул и потянулся к калитке, давая понять, что разговор окончен.

— Да не за что, — Витька отмахнулся, уже теряя интерес. — Ты только не суйся, слышь? Кто не суётся — тот долго живёт. А ты, я гляжу, из любопытных.

Ратмир вышел на улицу, оставив пьяницу на колодце. Слова «чёрные охотники» и «не по зверю» отдавались в его висках назойливым эхом. Он поднял голову, взгляделся в серое небо, в голые ветви деревьев. Покой Заовражья был обманчив. Под тонкой коркой обыденности здесь что-то гнило. Что-то, что оставляло свежие следы у его забора и бродило по ночам у старых развалин.

И он, Ратмир Дроздов, бывший майор с провальной операцией в прошлом и дырой в памяти вместо биографии, почему-то оказался в самой гуще этого тихого гниения. Не случайно.

Он повернулся и медленно пошёл обратно к дому. Секатор в его руке вдруг показался смешотворно беспомощной игрушкой. Инструмент садовника в руках палача. Или наоборот? Он сжал рукоять, и сухожилия на тыльной стороне ладони выступили белыми верёвками. Тело помнило другой вес, другую балансировку. Вес «Стечкина» с глушителем.

Рука сама потянулась к пояснице, к тому месту, где раньше лежала кобура. Нашупала только толстую ткань рабочей куртки

В доме было тихо и пусто. Тишина снова обволакивала его, но теперь она не была мирной. Она была настроженной, выжидающей. Как перед выстрелом.

Он подошёл к окну, выходящему на ту самую сосну со сломанной веткой. И простоял так долго, не двигаясь, глядя в серый день глазами человека, который смотрит на мир в одиночку, хотя смутно чувствует, что когда-то смотрел на него в четыре глаза. Он забыл почти всё, кроме одного — как ждать приближающейся бури.

Глава 2. Тело.

Весть пришла не с криком, а с ворчанием. Ратмир услышал её сквозь сон — гулкий перегарный голос Витьки за окном, перебиваемый сирым басом участкового. Он встал с дивана, на котором задремал в одежде, и подошёл к окну.

По улице, петляя между колеями, тащился «УАЗик» Родионова. За ним, пошатываясь, брел Витька-Правдолюб, размахивая руками. Машина резко свернула к выезду на просёлочную дорогу, ведущую к карьёру. Витька остановился, почесал затылок и поплёлся обратно к своей хате.

Сердце у Ратмира забилося чаще. Не страх — та самая предбоевая готовность, которая жила в клетках, не спросив разрешения сознания. Он натянул куртку, взял с вешалки старый, но крепкий бинокль «Цейс» и вышел.

Он не пошёл по дороге. Он двинулся лесом, параллельно колеям. Ноги сами нашли тропку, тело пригнулось, хотя необходимости в этом не было. Через десять минут он был на пригорке, поросшем чахлыми соснами. Отсюда открывался вид на «Голубую яму».

Водоём был похож на огромную, неправильной формы лужу. Вода в нём даже в ясный день казалась неестественно тёмной, почти чёрной из-за голубой глины на дне. Сейчас, под низким серым небом, она была цвета свинца.

У самого края карьера, на узкой полоске гальки, стоял «УАЗик». Рядом с ним — фигура в тёмно-синей полицейской куртке, Родионов. Он что-то записывал в блокнот, лениво поглядывая на воду, где возле старой, полузатопленной коряги колыхалось какое-то тёмное пятно.

Ратмир поднял бинокль, настроил резкость.

Пятном оказался человек. Мужчина. Лицом вниз, в застиранной спортивной куртке. Тело поддерживало на плаву что-то под ней — воздух в одежде или, что вероятнее, газы разложения. Оно медленно вращалось на слабом течении, и Ратмир поймал в линзы бледное, раздувшееся лицо. Молодое. Лет двадцати пяти.

Родионов оторвался от блокнота, взял с багажника длинную палку с крюком на конце — багор, старый, ржавый. Лениво, без особого усилия зацепил им куртку и потянул к берегу. Тело неохотно поддалось, заскребло по гальке. Участковый наклонился, перевернул его на спину.

И тут Ратмир увидел.

На шее трупа, чуть ниже линии челюсти, отчётливо проступал широкий, неровный синяк. Багрово-лиловый, с чёткими отпечатками пальцев и характерным полумесяцем у основания скулы. Отёк уже начал спадать, но рисунок был читаем, как учебная схема.

Медвежьи объятия.

Стандартный армейский приём удушения сзади. Не уличная драка, не бытовая поножовщина. Работа профессионала. Тот, кто это сделал, знал, как обхватить шею предплечьем и бицепсом, как правильно надавить, чтобы перекрыть сонную артерию, а не трахею. Быстро. Тихо. Эффективно.

Ратмир почувствовал, как у него свело челюсть. Воздух в лёгких стал густым, как сироп. Перед глазами на секунду проплыла картинка — не память, а её отголосок: чья-то мощная рука в камуфляжном рукаве, впивающаяся в горло. Свой собственный хрип.

Он опустил бинокль, сделал глубокий, шумный вдох. Не сейчас. Не здесь.

Внизу Родионов закончил осмотр. Он даже не накрыл лицо. Просто пнул багор в сторону, достал из машины связку оранжевых пластиковых лент и начал небрежно огораживать ими место, где лежало тело. Дело сделано. Можно ждать бригаду из райцентра.

Ратмир отполз от кромки пригорка и встал. Спина была мокрой от холодного пота. Он шёл обратно лесом, не видя тропы. В голове стучало одно: армейский приём, армейский приём, армейский приём.

Кто был этот парень? Почему его убили как диверсанта на нейтральной полосе? И почему выбросили в «Голубую яму», словно мусор, прямо под носом у бывшего спецназовца ГРУ?

Вернувшись в дом, он первым делом подошёл к шкафу в прихожей. На верхней полке, за стопкой старых газет, лежала папка. В ней — несколько вырезок из районной газеты «Заря» за последний год. Он редко их пересматривал — это было частью легенды, попыткой вжиться в роль местного. Но теперь ему нужно было искать.

Он листал пожелтевшие страницы, пока глаза не наткнулись на заметку в уголке. «Пропал без вести». Фотография молодого мужчины в камуфляжной форме, неулыбчивого, с прямым взглядом. Алексей Ковалёв. Сержант срочной службы. Проходил службу на складе №517. Не вернулся из увольнения год назад. Считался дезертиром.

Ратмир положил вырезку на стол рядом с воображаемым синяком на воображаемой шее. Совпадение? Слишком стерильно. Слишком... знаково.

Склад №517. Тот самый, которым теперь заправлял Волков.

Он подошёл к окну. День окончательно померк, превратившись в ранние сумерки. Где-то там, у «Голубой ямы», теперь мерцали синие мигалки. Приехали «те» из города.

Ратмир потёр лоб. В висках пульсировала знакомая, тупая боль — предвестник мигрени, которая всегда приходила, когда он пытался насильно выудить из памяти хоть что-то связанное. Но сейчас вместе с болью приходило и другое. Холодное, ясное понимание.

Его затворничество, его тихая война с собственной головой — всё это кончилось. Кто-то начал другую войну. Совсем рядом. И первая жертва уже лежала на галечном берегу с отметиной на шее — отметиной из его же прошлого.

Он повернулся, взгляд упал на дверь сарая. На потайной люк под верстаком. На планшет, который он не мог открыть.

— Ладно, — тихо сказал он пустому дому. — Значит, так.

И впервые за много месяцев в его глазах, помимо усталости и пустоты, появилось что-то ещё. Острый, сфокусированный интерес. Интерес ищейки, учуявшей свежий след.

Глава 3. Тайник

Сарай пах старым деревом, мышами и масляной тряпкой — запах, который Ратмир научился считать своим. Он щёлкнул выключателем. Лампочка под потолком, без плафона, мигнула и загорелась жёлтым, скупым светом, отбрасывая на стены гигантские, пляшущие тени. В углу стоял верстак, заваленный инструментом: разводной ключ, пассатижи с облупившимися ручками, банки с гвоздями и саморезами. Ничего лишнего. Всё как у настоящего фермера-отшельника. Всё, кроме тяжёлого ящика с подшипниками, стоявшего у самой ножки.

Ратмир откашлялся — в горле запершило от пыли. Он упёрся плечом в ящик, сдвинул его с привычного, въевшегося в грязь места. Под ним в полу зиял люк — не мастерски скрытый, а просто притоптанный, засыпанный опилками и трухой. Крышка из толстой фанеры, обитая по краям полоской резины от старой тракторной камеры. Он подцепил её монтировкой, почувствовал, как напрягаются мышцы спины, и потянул на себя.

Древесина с глухим стоном оторвалась от глины. Внизу открылась квадратная яма. Чёрная, сырая, пахнущая могильным холодом. Ратмир опустил на колени, протянул руку в темноту и нащупал на боковой стенке первую железную скобу — ржавую, но надёжную. Импровизированная лестница. Он замер на мгновение, прислушиваясь. В ушах стоял высокий, едва слышный звон — тот самый, что всегда приходил в полной тишине. Тишина в сарае была ненастоящей. За ней прятался гул — отдалённое эхо выстрелов, криков, грохота техники. Фантомный шум его отменённой жизни.

Он ступил на первую скобу. Ещё одна. Ещё.

Внизу было тесно. Укрытие высотой чуть больше метра, выкопанное наспех, но с расчётом. Он согнулся в три погибели, запустил руку в знакомую щель между кирпичами, нащупал коробку спичек. Шик — и колеблющийся оранжевый свет озарил крошечное пространство. Воздух пах землёй, холодным металлом и... чем-то ещё. Озоном. Застоявшимся электричеством.

Тайник был прост до аскетизма. Ни оружия. Ни патронов. Ни стопок валюты, как в дешёвых боевиках. Напротив него, прислонённая к земляной стене, лежала одна-единственная вещь.

Планшет в ударном, противоударном корпусе цвета хаки. Tактический, военного образца, пяти-шестилетней давности. На его лицевой панели, помимо потускневшего экрана, был едва заметный прямоугольник биометрического сканера и крошечное отверстие микрофона.

Ратмир взял его в руки. Пластик был прохладным, шероховатым, с несколькими свежими царапинами. Вес — ощутимый, уверенный, около килограмма. Знакомый до боли. Вес разгрузки. Вес снайперской винтовки. Вес ответственности. Пальцы сами собой, без команды, легли на боковые грани особым захватом — большие пальцы сверху, указательные вдоль рёбер. Мышцы помнили. Они помнили, как держать это устройство в тряске бронетранспортёра, как прикрывать его от песчаной бури, как быстро извлекать из кобуры на разгрузочном жилете.

Он сел на корточки, поставил планшет на колени. Сердце колотилось где-то в районе горла, учащённо и глухо. Он приложил большой палец правой руки к сканеру.

Экран вспыхнул тусклым синим светом. Появилась надпись без заставок, аскетичным системным шрифтом: «Биометрическая идентификация: ДРОЗДОВ, Р.А. Подтверждена.»

В груди что-то ёкнуло — не радость, а короткое, резкое спазматическое сжатие. Имя. Его имя. Подтверждено. Машина узнала его. Он всё ещё существовал для этой железяки. Для мира, который он забыл.

Но экран не разблокировался. Вместо этого холодным зелёным шрифтом выплыла новая строка:

«Требуется вторичная аутентификация. Голосовой ключ.»

Вторичная аутентификация. Голосовой ключ.

Ратмир замер. В голове — не пустота, а белый шум, в который вплетались обрывки радиообмена, шипение помех, чьи-то неразборчивые команды. Он должен был сказать что-то. Особую фразу. Ту самую, которую придумал когда-то, в здравом уме и твёрдой памяти, чтобы защитить самое важное от самого себя. От того себя, который может превратиться вот в это: в пугливого зверя в норе, не помнящего пароля от собственной жизни.

Он сглотнул. Звук был сухим, громким в замкнутом пространстве.

— Открыть, — хрипло прошептал он, и его собственный голос показался ему чужим, осипшим от неиспользования.

Никакой реакции. Только мигающий курсор в строке ввода, равнодушный и требовательный.

— Разблокировать. Доступ.

Тишина. Даже системного звука ошибки не последовало.

— Пароль... — он замялся, лихорадочно роаясь в подкорке. — «Перевал». «Факел». «Чёрный тюльпан».

Молчание. Абсолютное. Машина просто ждала. Она была терпеливее его. Она могла ждать вечность.

Ратмир сжал веки так сильно, что в глазах заплясали багровые круги. Он давил на память, как на воспалённый нерв, пытаясь выдавить хоть что-то внятное. Всплывали обрывки без связи. Запах пороха «Вихря». Холодная сталь приклада СВД. Вибрация вертолётных лопастей «Ми-8», от которой дрожали внутренности. Песок на губах. Чей-то смех рядом, точно такой же, как его собственный, но чуть более высокий. Близнец. Мирослав. Призрак.

Но не слова. Ни одного нужного, заветного слова.

Отчаяние подступило тошнотворной, горячей волной, подкатило к самому горлу. Оно было знакомым, почти родным. Его ежедневный спутник. Вот он, ключ. Физический, осязаемый ключ от его прошлого, от его преступлений, его побед, его причин жить и убивать. В его руках. И он не мог повернуть его, потому что забыл форму бородки. Забыл, каким человеком был тот, кто придумывал этот пароль.

Ярость, внезапная и слепая, ударила в виски. Он не сдержался — ударил кулаком по сырой земляной стене. Глухой, мягкий удар. Рассыпчатая глина посыпалась ему на рукав, забились под ногти.

— Да что же ты за сволочь такая?! — прошипел он в пустоту, глядя на немое, тупое устройство. Его голос сорвался на крик, но крик получился сдавленным, утробным. — Что ты там хранишь, а? Что я такого положил, что теперь самому себе не могу сказать?!

Планшет молчал. Его молчание было самым изощрённым издевательством. В нём была вся суть его нынешнего существования: он был сейфом, хранителем тайны, от которой отрёкся его же собственный разум.

Ратмир тяжело дышал, прислонившись лбом к холодной глине. Пахло землёй. Всегда, везде — землёй. В операциях он закапывался в неё, становился её частью. В этой деревне он в ней копался, пытаясь что-то вырастить. Земля была константой. Она принимала всё: семена, пули, кровь, трупы, секреты. Она не спрашивала паролей.

Он потянулся и резко дунул на спичку. Тьма нахлынула мгновенно, густая, тяжёлая, почти осязаемая. Она поглотила его, придавила к земляному полу. Он не шевелился, сидел в ней, прислушиваясь к бешеной дробе своего сердца. В такие моменты, в полной сенсорной изоляции, из глубин иногда выползали не образы, а тени ощущений. Фантомные боли ампутированной памяти.

...Тряска в кузове. Чей-то голос в наушниках. Не его, не радиста. Женский. Спокойный, чёткий, без эмоций. Говорит не с ним. Докладывает кому-то на чистом, почти стерильном

русском: «...готов подтвердить. Досье физически в руках. Оригиналы. Нужна чистая эвакуация...»

...И тут же, поверх этого, его собственный внутренний голос, торопливый, срывающийся, на грани паники: «...нужно скопировать. Спрятать. Если я не вернусь, если меня возьмут... Ключ... только голос. Только она может... Только она...»

Он открыл глаза в абсолютной темноте. Зрачки бессмысленно расширились, ничего не видя. «Только голос». Это было про ключ. Про вторую ступень.

Про неё.

Про Багиру.

Но самую фразу — эту самую, заветную последовательность звуков — он не слышал. Только предупреждение. Только намёк на то, что она как-то к этому причастна. Как спаситель? Как страж? Или как тюремщик?

Он чиркнул спичкой снова, ослепляя сам себя. Схватил планшет, зажал его под мышкой и полез обратно по скобам, задыхаясь от непривычной нагрузки и адреналина. Выбрался из ямы, захлопнул люк, с силой задвинул ящик на место. Действовал на автомате, как запрограммированный.

В доме он поставил планшет на кухонный стол, заваленный немойтой кружкой и хлебными крошками. Сесть напротив. Уставился на него, как на сложнейшую шахматную позицию, в которой он играл сам против себя. Биометрия прошла. Значит, устройство признало в нём Ратмира Дроздова. Значит, тело его — то же. ДНК та же. Отпечатки. Но вторая ступень была там, куда он не мог дотянуться. В содержимом его черепа. В личности. В той части, которую кто-то или что-то эффективно стёрло.

Он провёл ладонью по лицу, почувствовав щетину и влажную кожу. Усталость накатывала теперь костной, всепроникающей тяжестью. Но за ней, как из-под спускового крючка, выпрыгнула холодная, отточенная, рациональная мысль.

Если ты спрятал это так надёжно, с двойным замком, с привязкой к голосу... Значит, содержимое было не просто важным. Оно было смертельно опасным. Не для него. Для кого-то другого. Для кого-то очень могущественного. И этот кто-то, возможно, уже знал или догадывался о существовании этого планшета. А теперь, после сегодняшнего утра, этот кто-то мог знать и то, что Ратмир Дроздов вышел из своей раковины. Что он наблюдал. Что он заинтересовался.

Ратмир встал, кости похрустели. Подошёл к окну. На улице была кромешная тьма, деревенская, непроглядная. В одном из домов вдалеке тускло светило окошко — у Анисьи, старухи-соседки, она не спала до поздней ночи. Больше ни огонька. Заовражье спало сном праведников и пьяниц.

А он стоял и смотрел в чёрное стекло, за которым слабо отражалась его собственная бледная, невыспавшаяся физиономия с тёмными провалами вместо глаз. И чуть дальше, в отражении, — тусклый прямоугольник планшета на столе.

Два трупа. Два секрета. Один в мутной воде «Голубой ямы», уже начавший разлагаться. Другой — в холодном пластике и кремнии, мёртвый без пароля.

И оба, он чувствовал это каждой порой, каждым инстинктом, уцелевшим после катастрофы, были адресованы лично ему. Первое послание только что выловили. Второе лежало перед ним, немое и насмешливое.

Оставалось ждать третьего.

Глава 4. Встреча

Лесная просека была его местом силы. Не в эзотерическом смысле — в тактическом. Отсюда, с пригорка под старым, скрюченным дубом, он видел все подходы к своему дому: и просёлок, и тропу из деревни, и лощину, по которой мог подкрасться непрошенный гость. Здесь он приходил, когда сны становились слишком яркими, а стены дома начинали давить. Здесь было проще дышать.

Сегодня он пришёл сюда не за покоем. Он пришёл проверить «секрет» — старую, почти забытую процедуру. В дупле у корней дуба лежал камень. Обычный, серый булыжник. Раз в неделю он его переворачивал. Это был примитивный сигнал для того, кого не существовало. Для связи, которой никогда не было. Ритуал безумца.

Ратмир наклонился, провёл рукой по мху. Камень лежал на месте, но мох под ним был примят. Кто-то недавно поднимал его и положил обратно. Аккуратно, стараясь, но не рассчитав упругости мшистой подушки.

Всё тело мгновенно натянулось, как струна. Он не выпрямился. Застыл в полуприседе, медленно переводя взгляд по периметру просеки. Ничего. Тишина. Поздний ноябрьский полдень, серый и безветренный. Даже птиц не было слышно. Слишком тихо.

Он медленно выпрямился, повернулся спиной к дубу. Сделал шаг в сторону от укрытия, на открытое место.

— Выходи, — сказал он громко, ровным голосом, не повышая тона. — Я без оружия.

Слова повисли в сыром воздухе. Казалось, лес втянул их в себя и переварил. Десять секунд. Двадцать.

Из-за ствола старой, полузасохшей сосны шагнула женщина.

Она появилась бесшумно, как будто была частью леса, его тёмным, разумным продолжением. На ней была не камуфляжная форма, а практичная городская одежда: тёмные утеплённые штаны, чёрная куртка-ветровка без опознавательных знаков, высокие походные ботинки. Руки в тонких перчатках были опущены вдоль тела, открытые, пустые. Но поза была готовой, собранной — корпус чуть развёрнут, вес на передней части стопы.

Ратмир не шелохнулся. Он изучал её. Высокая, стройная. Волосы, тёмно-каштановые, убраны в строгий пучок. Лицо — не красавицы из журнала, а с правильными, чёткими чертами, которые запоминались. Лоб, скулы, решительный подбородок. И глаза. Серые, холодные, как ледниковые озёра. Они смотрели на него не с угрозой, а с оценкой. Взглядом хирурга, рассматривающего живой, но незнакомый орган.

— Багира, — произнесла она. Голос был ровным, низковатым, без лишних интонаций. В нём не было вопроса.

Услышав позывной, Ратмир почувствовал не вспышку памяти, а её полную, оглушительную противоположность. Внутри, там, где должно было что-то отозваться, зияла пустота. Ни узнавания, ни тепла, ни ненависти. Ничего. Только тонкая, ледяная трещина, по которой побежал холод.

— Я тебя не знаю, — честно сказал он. Голос не дрогнул.

Её брови чуть приподнялись. Микроскопическое движение, но он его уловил. Не удивление, а подтверждение гипотезы. Она медленно, демонстративно, оглядела его с головы до ног. Взгляд задержался на его руках, сжатых в кулаки, на напряжённой линии плеч, на глазах, в которых, он знал, была только настороженная пустота.

— Но ты назвал правильный пароль, — сказала она. — «Выходи». Это был сигнал на крайний случай. Если всё пойдёт не так. Если останешься один.

Ратмир молчал. Это могла быть правда. Или блеф. У него не было инструментов, чтобы это проверить. Только инстинкты, которые кричали об опасности, но не могли расшифровать её источник.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Ищу тебя. Долго искала. — Она сделала шаг вперёд, плавно, не нарушая дистанции. — Операция «Перевал». Помнишь?

Слово ударило по вискам тупой болью. Не образы. Боль. Фантомная, знакомая. Он чуть заметно вздрогнул, не смог сдержаться.

— Нет, — прошептал он. — Не помню. Только... отголоски.

В её глазах что-то промелькнуло. Не жалость. Расчёт. Она кивнула, будто получила важные данные.

— Это из-за ранения. Контузия, потеря крови. Мы думали, ты погиб. — Она помолчала, давая словам осесть. — А потом пошли слухи. Что в какой-то глухой деревне под видом фермера отирается бывший «Ищейка». Решила проверить.

«Ищейка». Ещё одно слово-ключ. Оно отозвалось где-то глубоко в подкорке, как кличка, которую носишь с детства. Неприятно. Слишком точно.

— Зачем проверять? — Его голос окреп, в нём появился металл. — Чтобы прикончить? Добить работу?

Она смотрела на него прямо, не отводя взгляда.

— Если бы я хотела тебя убить, Ратмир, ты бы уже был мёртв. С того момента, как ты вышел из дома, я держала тебя на мушке. — Она чуть мотнула головой в сторону густого ельника напротив. — Ты хорош, но ты вышел на открытое место. И объявил, что безоружен. Это либо храбрость идиота, либо отчаяние. Какое из двух?

Он не ответил. Промолчал. Давление её взгляда было физическим. Он чувствовал его на коже.

— Мне нужна правда, — наконец выдавил он. — О том труп. Об операции. О том, кто я.

Багира медленно выдохнула, и в её осанке появилась едва уловимая усталость. Не слабость, а тяжёлая, профессиональная усталость солдата, уставшего от долгой войны.

— Правда опасна. Для тебя. Для меня. Тот парень в карьере — начало. Он был первым звеном. Если начнёшь копать, выгацишь на свет такое, что тебя сожрёт. — Она снова сделала шаг, сокращая дистанцию. Теперь он видел тонкие морщинки у её глаз, следы настоящей, невыдуманной усталости. — Я могу дать тебе версию. Безопасную. И врага. Конкретного, осязаемого. Того, кого можно посадить за убийство этого парня и за нашу проваленную операцию. Хочешь?

Это был крючок. Чистейшей воды крючок. Он чувствовал его остроту в каждом слове. Но что было альтернативой? Стоять здесь и ждать, пока его прошлое настигнет его в виде очередного трупа или пули?

— Кто? — коротко спросил он.

— Волков. Полковник в отставке. Хозяин склада №517. Тот, чьи люди нашли сержанта Ковалёва год назад и решили, что он слишком много знает. — Она говорила чётко, уверенно, связывая факты в безупречную логическую цепь. — Он продал маршрут нашей группы в «Перевале». Он причина того, что ты здесь, с дырой в голове. И он же сейчас пытается навести порядок, убирая старые концы. Ты — живой конец, Ратмир.

Имя «Волков» легло на подготовленную почву — на рассказ Витьки, на карту в кабинете, на вырезку из газеты. Всё складывалось в одну, чёткую картину. Слишком чёткую. Слишком удобную.

— А ты? — спросил он, не сводя с неё глаз. — Какая тебе выгода?

Уголки её губ дрогнули. Не улыбка. Что-то горькое и быстро погашенное

— Моя выгода — закрыть дело. Отомстить за своих. За тебя в том числе. И спасти твою жизнь, если ещё не поздно. Волков знает, что ты жив. После сегодняшнего утра он будет знать, что ты не просто овощ на грядке. Он пришлёт людей. Не таких дураков, как участковый. Профессионалов.

Она была убедительна. Слишком. В её словах не было ни одной фальшивой ноты. Но именно это и настораживало. В жизни так не бывает. Правда всегда колючая, с торчащими концами, за которые цепляешься.

Ратмир посмотрел на лес, на серое небо, на старый дуб. А потом снова на неё.

— А что в карьере? Приём «медвежьих объятий». Армейский.

Она кивнула, как будто ждала этого вопроса.

— У Волкова в охране полно отставников из наших же структур. Он их собирает. Они и работают его руками. Это их почерк.

Круг замкнулся. Всё объяснено. Все дорожки ведут к одному человеку.

— И что теперь? — спросил он.

— Теперь мы идём к тебе, — сказала Багира. Она снова стала деловой, собранной. — Нужен план. И нужно решить, что делать с твоим планшетом. Потому что если он у тебя есть, Волков об этом скоро узнает. И тогда у него будет реальный мотив стереть тебя в порошок.

Ратмир почувствовал, как у него похолодела спина. Она знала про планшет. Естественно. Если они были напарниками.

— Я не могу его открыть, — признался он, и в этом признании была горечь поражения. — Нужен голосовой ключ. Я его не помню.

В её глазах вспыхнул острый, мгновенный интерес. Как у охотника, учуявшего слабинку зверя.

— Это решаемо. У меня есть человек. Но не здесь. Поедем.

Она уже повернулась, делая первый шаг к выходу из просеки, подразумевая, что он последует за ней. В этом жесте была власть. Уверенность командира.

Ратмир задержался на секунду. Он смотрел на её спину, на затылок, на уверенную постановку головы. В его памяти всплыл обрывок из тайника: «...только голос. Только она...»

Она была его ключом. Единственным проводником в прошлое, которое убивало.

Он глубоко вдохнул запах прелой листвы и пошёл за ней, в неясное будущее, ведомый женщиной, чьё лицо было первым живым лицом из мира, который он когда-то знал. Или ему так казалось.

А в ельнике напротив, в полукилометре, в складках местности, человек в маскировочном костюме с параболическим микрофоном аккуратно сложил оборудование и бесшумно исчез в чаще, чтобы доложить: «Контакт состоялся. Амнезия подтверждена. Багира взяла управление на себя».

Глава 5. Инструктаж.

На кухне пахло чаем, сырой шерстью и пылью, прогретой печкой. Ратмир снял промокшую насквозь куртку и повесил её на спинку стула у самой топки — пусть сохнет. Движения были медленными, намеренно бытовыми. Он давал себе время. Время осмотреться в собственном доме, который вдруг наполнился её присутствием. Чужеродным, плотным, как запах оружейной смазки.

Багира стояла у окна, отодвинув ситцевую занавеску ровно на ширину ладони. Достаточно, чтобы видеть двор, калитку, начало просёлка. Недостаточно, чтобы её силуэт был замечен снаружи. Она не снимала ветровку, только расстегнула молнию. Поза — не расслабленная, а собранная, готовая к резкому движению. Как у хищной птицы, присевшей на ветку, но не сложившей крылья.

— Садись, — сказал Ратмир, стуча эмалированным чайником о край раковины, счищая накипь. — Чай будет. Если, конечно, не брезгуешь.

— Не брезгую, — отозвалась она, не оборачиваясь. Голос из угла комнаты прозвучал приглушённо. — Но садиться не буду. Ты сам садись. И руки клади на стол. Где я их буду видеть.

Фраза прозвучала не как приказ, а как констатация факта. Протокол безопасности. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не страх. Узнавание. Так и надо. Так и положено.

Он повиновался. Поставил на стол два толстых стакана в подстаканниках, налил из чайника крутым кипятком. Пар застелил стол белой дымкой. Только тогда Багира оторвалась от окна. Она обошла стол и села напротив него, но не прямо, а чуть боком, чтобы продолжать контролировать и дверь, и окно. Её руки лежали на столешнице ладонями вниз — пустые, открытые, но пальцы были слегка расставлены, готовые в любой миг сгруппироваться, схватить, ударить.

— Устроился просто, — произнесла она, скользнув взглядом по комнате: покосившиеся полки с консервами, трещина на потолке, заштопанная одежда на вешалке, простая, почти монашеская обстановка без намёка на личное.

— Не для роскоши, — буркнул он, отодвигая от себя стакан. — Чтобы не выделяться.

— Выделяешься, — парировала она без паузы. — Типичный отставник-контуженный с пенсией не держит тайников в полу и не ходит по лесу, как по полигону, меняя точку наблюдения каждые три минуты. Ты слишком правильный, Ратмир. Слишком чист в движениях. Это видно. Для любителя — ты чудак. Для профессионала — ты гвоздь, который торчит из доски. И его рано или поздно забьют обратно или выдернут.

Он поморщился, будто от зубной боли. Она видела. Она всё видела. От этого стало не по себе.

— Значит, маскировка провалилась.

— Не совсем. Она сработала ровно настолько, чтобы тебя не прикончили сразу. Пока ты был тихим сумасшедшим фермером, ты не представлял угрозы. — Она потянулась к стакану, обхватила его длинными, узкими пальцами, но не пила. Грела руки. — Сегодня утром ты перешёл черту. Ты показал интерес. А интерес — это угроза.

— Кому? — спросил он, глядя прямо на неё. Он ловил каждое движение её глаз, каждый микромимический сдвиг.

— Волкову. Сергею Волкову. Полковник в отставке. — Она произнесла имя с ровной, холодной интонацией, как читают имя в расстрельном списке. — Нынешний хозяин склада №517 и фактический царёк всего этого района.

Она вытащила из внутреннего кармана куртки не фотографию, а тонкую, сложенную вчетверо бумажку. Развернула её и положила на стол. Распечатка чёрно-белого кадра со скрытой камеры. Мужчина лет пятидесяти с лицом, словно вырубленным топором из сырого гранита. Короткая, жёсткая щетина с проседью. Узкие, запавшие глаза, в которых читалась не злоба, а усталое, циничное всевластие. Он стоял у ворот ангара, в дорогой дублёнке поверх камуфляжа, и курил, глядя куда-то мимо объектива. Полковник Волков.

Рядом она положила вторую бумажку — ту самую вырезку из «Зари» с фото Алексея Ковалёва. Молодое, незнакомое лицо.

— Связь, — сказала Багира, ткнув указательным пальцем сначала в Волкова, потом в Ковалёва. Палец был тонким, сильным, с коротко подстриженным ногтем. — Прямая и простая, как лом. Ковалёв служил срочную на его объекте. Увидел что-то, чего не должен был. Возможно, просто стал неудобным свидетелем. Попытался шантажировать или просто, будучи пьяным, проговорился в бане. Волкову пришлось его убрать. Не своими, конечно, руками. Через своих «чёрных охотников». — Она произнесла это прозвище без тени иронии, как утверждённый оперативный псевдоним. — Тех самых, что шныряют по твоему лесу и оставляют у тебя под забором визитные карточки.

Ратмир взял распечатку с Волковым. Бумага была тонкой, шершавой, пахла тоном. Лицо не вызывало в нём ничего — ни страха, ни ненависти, ни даже отторжения. Просто цель. Антагонист, назначенный свыше. Слишком удобно.

— А наша операция? — спросил он, откладывая фото. — «Перевал»? Кто мы? Кто я?

Багира наконец отпила чаю. Она сделала это странно — не пригубила, а сделала один долгий, ровный глоток, будто принимала лекарство. Поставила стакан ровно на то же место, оставив на столешнице влажное, идеально круглое кольцо.

— «Перевал». Приграничная зона. Пятнадцать месяцев назад. — Её голос сменился, стал ровным, отстранённым, почти механическим. Голосом, зачитывающим доклад в казённом кабинете. — Мы — оперативная группа «Факел». Ты — командир. Позывной «Ищайка». Я — капитан Соколова, позывной «Багира». Связной и куратор со стороны военной контрразведки. Задача — внедриться в цепочку контрабанды стрелкового оружия и высокотехнологичных компонентов. Выявить и обезвредить конечного получателя на нашей территории. Всё шло по графику. До того момента, пока Волков, который в то время отвечал за логистику и безопасность в нашем секторе, не продал маршрут движения нашей группы. За очень хорошие деньги. — Она сделала паузу, её взгляд упёрся в стену за спиной Ратмира, но видел, очевидно, совсем другое. — Нас ждала засада. Не бандиты. Хорошо подготовленная группа, почти военное подразделение. Мы приняли бой.

Она замолчала. Тишина в комнате стала густой, тяжёлой, давящей на барабанные перепонки. Ратмир ждал, что внутри что-то дрогнет — вспыхнет хоть обрывок, отзовется болью шрам на спине, занеет старая рана. Была только пустота. И странное, леденящее ощущение, будто он слушает чужую историю. Историю о каком-то другом Ратмире Дроздове.

— Как я выжил? — выдавил он.

— Ты прикрывал отход группы. Команда была — уходить по одиночке, на сближение с силами поддержки. Ты остался последним. Снайпер взял тебя на мушку. Пуля вошла ниже левой лопатки, навывлет. Ты упал, но продолжал стрелять. Потом рядом разорвалась граната. Осколок — вот здесь. — Она не приблизилась, просто провела пальцем по воздуху у своего собственного виска, чуть выше и сзади левого уха. Именно там у него была розовая, волнистая полоска кожи, которую он каждый день бреясь воспринимал просто как ещё один шрам.

Тело наконец отозвалось. Не памятью, а физическим спазмом. Мышцы спины и шеи свела судорога, резкая и болезненная. Он ахнул, невольно наклонившись вперед, упираясь руками в стол.

— Вот видишь, — тихо сказала Багира. — Тело помнит. Мозг — отказывается. Это защитный механизм. Контузия, массивная кровопотеря, гипоксия. Мозг вырезает самые травматичные куски, как хирург вырезает гангрену. Чтобы ты не сошёл с ума окончательно.

Он выпрямился, с трудом переводя дыхание. По лицу струился холодный пот.

— Остальные? — прошептал он. — Группа?

— Мёртвы. — Её ответ был коротким, плоским, как удар лопатой по мёрзлой земле. — Все. Волков постарался на славу. Он не оставил свидетелей. Кроме меня. И кроме тебя, которого все посчитали погибшим.

— И ты всё это время... искала меня? Чтобы рассказать эту сказку?

Впервые на её лице дрогнула маска. Не глаза — они остались ледяными. Дрогнули уголки губ, сложившись в нечто, отдалённо напоминающее горькую усмешку.

— Сказку? Хорошая сказка. С мёртвыми друзьями и пулей в спине. — Она отхлебнула ещё чаю, поставила стакан со стуком. — Я искала тебя, чтобы довести дело до конца. Волков вышел в отставку не с пустыми руками. Он прихватил контакты, часть арсенала, схему поставок. Он здесь, под самым боком у столицы, чувствует себя помещиком. Он думает, что все концы схоронены. Что ты — либо овощ, либо давно тлеешь в безымянной могиле. Мы докажем ему, что он ошибся.

«Мы». Она произнесла это слово так естественно, так уверенно, будто они и вправду были одним целым, уцелевшими обломками одного корабля. Ратмир смотрел на неё, вглядываясь в это красивое, строгое, абсолютно контролируемое лицо, пытаясь разглядеть за ним хоть что-то человеческое — трещину, боль, сомнение. Видел только броню. И за броней — расчёт.

— И что теперь? — спросил он, отводя взгляд. Смотреть на неё стало невыносимо. — Мы идём к участковому? Показываем ему эти бумажки? Рассказываем про «чёрных охотников»?

Она фыркнула, и в этом коротком, резком звуке было столько тотального, нажитого годами презрения ко всему официальному, что стало ясно — вера в систему у неё умерла давно и безвозвратно.

— Родионов? Он у Волкова на довольствии. Получает пайку за то, чтобы смотреть в другую сторону. Первое, что он сделает, — позвонит ему. Нет. Мы работаем в обход. Нам нужны улики. Не косвенные доказательства, а железобетонные. Либо связь Волкова с убийством Ковалёва — оружие, свидетели, деньги. Либо, что лучше, связь с «Перевалом». Твой планшет может быть ключом. Что в нём?

— Я сказал, я не могу его открыть, — повторил он, и в голосе прозвучало раздражение.

— Я слышала. Голосовой ключ. — Она наклонилась через стол чуть ближе. От неё пахло не парфюмом, а чем-то другим. Холодным металлом, снежной пылью и... чем-то сладко-горьким. Медицинским спиртом? Антисептиком? — У меня есть человек. Не в системе. Бывший техник из нашего же управления, из отдела криптографии и защиты данных. Уволен по сокращению, живёт в соседнем дачном посёлке «Сосновый». Чинит компьютеры, телефоны. Гений в своём деле и абсолютно незаметен. Он может помочь. Обойти защиту. Или, по крайней мере, скопировать данные, не взламывая её окончательно.

Ратмир почувствовал, как у него сжалось всё внутри. Отдать планшет — этот чёрный прямоугольник, единственную материальную часть своего потерянного «Я» — в чужие, незнакомые руки?

— Это рискованно, — сказал он, и его голос прозвучал хрипло. — Если Волков следит...

— Он следит за тобой. За мной — не знает. Я появилась здесь чисто, через старые, не связанные с этим делом каналы. — В её глазах, тех самых серых и холодных, мелькнула быстрая, хищная искорка. Почти азарт. — Мы сделаем это быстро. Я договорюсь о встрече на нейтральной территории. Ты передашь ему планшет. Он поработает несколько часов в своей мастерской, оборудованной как бункер. Мы получим данные и решим, что с ними делать дальше. Если там есть то, что я думаю...

Он молчал. Слишком гладкий план. Слишком удобная помощь. Как будто все шестерёнки в невидимом механизме вдруг начали вращаться синхронно, чтобы помочь ему, Ратмиру-блаженному, Ратмиру-пустоте.

— А если это ловушка? — спросил он, глядя ей прямо в глаза, пытаясь прошупать дно. — Если твой техник давно куплен? Если он позвонит тому же Волкову в ту же секунду, как мы уйдём?

— Тогда, — она откинулась на спинку стула, и на её губах расплылась та самая безрадостная, тонкая усмешка, — мы это очень быстро узнаем. Потому что я не доверяю никому. А кроме того... — Она чуть приподняла правую полы своей ветровки. У пояса, в специальной кобуре на молнии, лежал компактный, матово-чёрный пистолет с толстым стволом. «Гюрза». Серьёзное оружие для несерьёзных разговоров. — ...у меня с собой не только чай и приятные воспоминания.

Ратмир вздохнул. Глубоко, с усилием, будто воздух в комнате стал вдруг вязким. Выбора у него не было. Сидеть и ждать, когда «чёрные охотники» перестанут просто наблюдать — значит подписать себе приговор. Довериться ей, этой женщине с глазами ледника и пистолетом под мышкой — хоть какой-то шанс. Хоть движение вперёд. Хоть тень цели.

— Ладно, — сказал он, и это слово вышло у него усталым, почти сдавленным. — Договаривайся.

Он увидел, как в её взгляде что-то щёлкнуло. Удовлетворение? Не совсем. Скорее, подтверждение того, что процесс пошёл по намеченному руслу. Она кивнула, достала из другого кармана простой, потрёпанный кнопочный телефон без опознавательных знаков, начала набирать номер одной рукой. Другая рука осталась на столе, рядом со стаканом.

Ратмир встал, его кости затрещали. Подошёл к окну, к той самой щели в занавеске. На дворе окончательно стемнело. Ранние ноябрьские сумерки поглотили двор, забор, дальние деревья. Ветер гнал по дороге мусор и первые колючие, редкие снежинки, которые таяли, едва коснувшись земли. Он чувствовал, как в его жизнь, тщательно выстроенную из тишины, забывтья и ежедневного ритуала борьбы с самим собой, вломилась чужая, жёсткая, безэмоциональная воля. Принесли врага. Принесли план. Принесли цель. Всё разложили по полочкам, объяснили, связали в безупречную логическую цепь.

Слишком безупречную.

Он повернулся и посмотрел на Багиру. Она говорила в трубку тихо, отрывисто, её профиль был резок и невыразителен в тусклом свете висящей над столом лампочки. Она была красива. Строго, неуютно красива. Как холодное оружие.

И в этот момент, глядя на неё, он услышал внутри не голос, а ощущение. Не из памяти, а из чего-то более глубокого, инстинктивного, животного.

Опасность.

Не «опасно рядом с ней». А она — опасность.

«...только голос. Только она...»

Ключ? Или отмычка, которая откроет не его прошлое, а его могилу?

— Всё, — она отключилась и положила телефон на стол. Звук был громким в тишине. — Завтра. Четыре часа дня. Дачный посёлок «Сосновый», дом сорок семь, синий забор. Он будет ждать. Никаких лишних контактов. Заходим, делаем дело, уходим.

— Хорошо, — сказал Ратмир. Он вернулся к столу, допил свой остывший, горчащий чай. Вкус был отвратительным. Как полынь.

Он поставил стакан и посмотрел на её руки. На тонкие, сильные запястья, на ту самую кобуру под курткой.

— А что, если я передумаю? — спросил он вдруг, просто чтобы посмотреть на её реакцию. — Что, если решу, что мне и так хорошо? И пойду завтра не в «Сосновый», а, скажем, в райцентр, в прокуратуру?

Она подняла на него глаза. В них не было ни гнева, ни угрозы. Была... усталая печаль? Нет, не печаль. Сожаление. Сожаление мастера о материале, который вот-вот испортит всю работу.

— Тогда ты очень быстро окажешься в той же «Голубой яме», что и сержант Ковалёв. Только тебя, возможно, найдут не сразу. — Она сказала это абсолютно спокойно. — Волков не оставляет живых свидетелей. А я... я не смогу тебя защитить, если ты сам не захочешь защищаться. Выбор за тобой, Ратмир. Жить в забвении, пока оно не кончится пулей. Или вспомнить, кто ты, и сделать так, чтобы пуля полетела в другую сторону.

Она встала. Её тень, отбрасываемая лампой, легла на всю стену, огромная и безликая.

— Я приду за тобой завтра в три. Будь готов. И планшет захвати.

Она не попрощалась. Просто повернулась и вышла на улицу, растворившись в темноте так же бесшумно, как и появилась.

Ратмир остался сидеть за столом, глядя на два пустых стакана и две фотографии на столешнице. Врага и жертвы.

А в голове стучало одно, назойливо, как симптом начинающейся болезни: «Она лжёт. Не во всём. Но лжёт. А ты... ты должен выяснить, в чём именно. Потому что если она — твой единственный ключ, то это ключ от двери, за которой может быть что угодно. Даже твой собственный расстрел.»

Он потянулся, взял фотографию Волкова, смял её в комок и швырнул в печку. Бумага вспыхнула быстро, осветив на мгновение его неподвижное, уставшее лицо.

Игра началась. И он, не помня правил и не зная своих карт, уже сделал первый ход. Поставил на ту, чьи глаза были холоднее ноябрьской земли. Теперь оставалось ждать, кто кого переиграет.

Глава 6. Первый зондаж.

Утро было серым и мокрым. Ночью дождь сменился ледяной крупой, и теперь всё вокруг — крыши, заборы, пожелтая трава — было покрыто тонкой, скользкой коркой, похожей на стеклярус. Ратмир вышел из дома до рассвета. Не потому что спешил. Ему нужно было время, чтобы подумать в движении. И чтобы проверить — следили ли за ним ночью.

Он шёл не по дороге, а огородами, по промёрзшим грядкам и пустырям. Ноги вязли в липкой грязи, но ступали уверенно — тело помнило, как двигаться по сложному рельефу, не ломая ритма. Он выбрал длинный, петляющий маршрут, несколько раз резко менял направление, замирал в тени сараев, наблюдая за тем, что оставалось позади. Ничего. Ни одной тени, ни одного подозрительного звука. Либо слежка была настолько профессиональной, что он её не засекал, либо Багира была права — Волков пока не видел в нём прямой угрозы. Пока.

Он вернулся домой, переделся в самую невзрачную одежду — поношенные рабочие штаны, толстый свитер, старую куртку с выцветшими пятнами. Образ простого, немного забитого мужика, ищущего подработку. Планшет он не взял. Оставил его в тайнике, но перед этим сфотографировал экран с запросом голосового ключа на простой, дешёвый телефон-раскладушку. Если что-то пойдёт не так, улика хотя бы не попадёт в чужие руки.

В половине девятого он был у ворот склада №517.

Комплекс был больше похож на крепость. Высокий забор из профлиста, увенчанный колючей проволокой под напряжением — это было видно по изоляторам. Массивные ворота с калиткой для пешех, рядом будка охраны. За забором угадывались контуры длинных ангаров, каких-то административных построек из силикатного кирпича и краны. В воздухе стоял запах солянки, металла и чего-то химического, сладковатого — может, краски, может, растворителя.

Ратмир сделал вид, что колеблется, потом решительно направился к будке. Из неё вышел мужчина в тёмной униформе без знаков различия, но с выправкой, выдававшей в нём бывшего военного. Не старше тридцати, подтянутый, с пустым, оценивающим взглядом.

— Ты куда? — спросил он без предисловий.

— К начальству, — ответил Ратмир, стараясь сделать голос глуховатым, простоватым. — Слышал, люди нужны. Сторожа, грузчики. У меня опыт.

— Вакансий нет, — охранник отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Мне бы с самим... с хозяином поговорить. Волковым, кажись. — Ратмир сделал шаг вперёд.

Охранник обернулся мгновенно, и в его глазах что-то вспыхнуло. Не тревога, а скорее раздражение, смешанное с любопытством.

— Тебя кто послал?

— Да никто. Сам. Слышал по деревне. Мне бы только слово сказать.

Охранник что-то соображал. Потом кивнул на камеру над воротами.

— Стой здесь. Не двигайся.

Он скрылся в будке. Минуту спустя калитка с лёгким щелчком электромагнита отперлась.

— Проходи. Прямо к серому зданию. На второй этаж. Тебя встретят.

Внутри территория оказалась ещё более неудобной. Пространство было очищено от всего лишнего — ни кустов, ни скамеек. Чистота и функциональность лагеря. Из-за угла ангара вышел ещё один человек в такой же униформе и молча, держась в десяти шагах, повёл его к двухэтажной пристройке. Входная дверь была бронированной, с кодовым замком. Проводник набрал код, пропустил Ратмира вперёд.

Внутри пахло новым линолеумом и кофе. Холл был пуст. Слева — лестница. Он поднялся. Наверху его ждал третий — молодой, в очках и строгом костюме, с планшетом в руках. Секретарь или помощник.

— Дроздов? — спросил он, сверяясь с планшетом.

Ратмир кивнул.

— За мной.

Кабинет был большим, но не роскошным. Функциональная мебель, большой сейф в углу, карта района на стене, утыканная разноцветными кнопками. И за массивным столом — человек с фотографии. Полковник Сергей Волков.

Живую он казался ещё более монолитным. Широкая кость, мощные плечи, коротко стриженные седые волосы. На нём была камуфляжная полевая форма без погон, но качественная, не рыночная. Он не встал, не протянул руку. Просто поднял на гостя тяжёлый, медленный взгляд. Глаза были того самого серо-стального цвета, что и на фото, но в них читалась не просто усталость, а глубокая, въевшаяся усталость власти. Усталость от необходимости постоянно решать, командовать, подавлять.

— Дроздов, — произнёс он голосом, похожим на скрежет камня. — Ратмир Александрович. Майор спецназа ГРУ в отставке. Диплом МГИМО. Интересная комбинация.

Ратмир стоял посреди кабинета, чувствуя, как под взглядом Волкова его маскировка фермера тает, как тот утренний наст на крыше. Этот человек знал. Знал всё.

— В отставке, — поправил он тихо.

— В отставке, — согласился Волков, откидываясь в кресле. Оно скрипнуло под его весом. — По состоянию здоровья. Потеря памяти, если я не ошибаюсь. Печально. Такие кадры стране нужны. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — И что привело такого ценного кадра ко мне на порог? Искать работу сторожа? Не верю.

— Нужно деньги зарабатывать, — пожал плечами Ратмир. — Пенсия маленькая. А я человек привычный, дисциплинированный. Могу пригодиться.

Волков усмехнулся. Улыбка не дошла до глаз.

— Мог бы. Год назад. Сейчас... — он провёл ладонью по лицу, и на мгновение в нём мелькнуло что-то почти человеческое — досада, разочарование. — Сейчас ты проблем больше, чем пользы, Дроздов. Я слышал, ты вчера у карьера был. Интересовался тем утопленником.

— Слух прошёл. Просто вышел погулять, увидел мигалки.

— Не ври, — Волков отрезал резко, но без злости. Констатируя факт. — Ты вышел специально. С биноклем. И наблюдал. Это не похоже на простую прогулку. Это похоже на... рекогносцировку. Старые привычки?

Ратмир молчал. Спорить было бесполезно.

— Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь, — продолжал Волков, его пальцы принялись барабанить по столешнице. — Знаю про операцию «Перевал». Знаю, как тебя выносили. Знаю, что ты тут, в моём районе, сидишь, как затравленный волк. И знаю, что это ненадолго. Рано или поздно либо твоя память вернётся, либо к тебе придут те, кто хочет её навсегда стереть. И то, и другое для меня — головная боль.

— Я никому не мешаю, — сказал Ратмир. В его голосе впервые прозвучали стальные нотки. Маска фермера окончательно спала.

— Пока не мешаешь. — Волков встал. Он был действительно огромен. Подошёл к карте на стене, ткнул пальцем в одно из мест. Ратмир узнал — это было Заовражье. — Ты сейчас — как неразорвавшаяся граната на моём поле. Лежишь тихо, но кто-то может наступить. И рвануть. Мне не нужны взрывы на моей территории, Дроздов. Мне нужен порядок. Чистота.

Он повернулся, оперся задом о край стола, скрестив руки на груди.

— Поэтому вот моё предложение. Официальное. У меня есть ЧОП. Есть логистика. Есть объекты, которые нужно охранять. Я могу дать тебе работу. Настоящую. Не сторожа на складе,

а... советника по безопасности. С хорошей зарплатой. С условием — ты переезжаешь в служебное жильё здесь, на территории. И перестаёшь шастать по лесам и интересоваться трупами. Ты будешь под моим крылом. И под моим контролем. Это спасёт тебе жизнь. Потому что те, кто идёт за тобой, на мою территорию не сунутся.

Предложение висело в воздухе, тяжёлое, как гиря. Это была не просто работа. Это была клетка. Позолоченная, но клетка. Волков покупал его. Изолировал. Лишал возможности копать дальше.

— А если я откажусь? — спросил Ратмир

Волков вздохнул, как взрослый, уставший от капризов ребёнка.

— Тогда ты останешься один. Со своей дырявой головой и с теми, кто уже, возможно, в твоём лесу. Я не буду тебе мешать. Но и помогать не стану. И когда тебя найдут с пулей в затылке у «Голубой ямы», я лишь разведу руками. Скажу: «Жаль. Сам виноват. Не послушался».

В его тоне не было угрозы. Была уверенность в том, что он описывает неизбежное будущее.

— Вы знаете, кто меня ищет? — вдруг спросил Ратмир, глядя ему прямо в глаза.

Волков замер. Его лицо на мгновение стало непроницаемой маской. Потом он медленно покачал головой.

— Не знаю. И знать не хочу. Моё дело — мой район. Всё, что за его пределами, меня не касается. Но если эта угроза придёт сюда, я её ликвидирую. Как проблему. Ты сейчас — потенциальная проблема, Дроздов. Я предлагаю тебе стать решением. Частью моего решения.

Ратмир посмотрел на карту. На те самые кнопки у «Голубой ямы» и у старых развалин «Объекта №17». На аккуратные пометки, сделанные красным маркером.

— Мне нужно подумать, — сказал он.

— Конечно, — Волков кивнул, как будто ожидал этого. — Думай. Но недолго. Предложение действует до конца недели. Потом... потом, боюсь, твои варианты закончатся. — Он сделал шаг к двери, давая понять, что аудиенция окончена. — Охранник проводит тебя.

На пороге Ратмир обернулся.

— А сержанта Ковалёва вы знали?

Волков, уже повернувшийся к окну, медленно обернулся. Его лицо ничего не выражало.

— Слышал. Дезертир. Пропал. Жаль пацана. Армия сейчас не та, что раньше. Дисциплина хромает.

Больше ничего. Ни тени смущения, ни вспышки гнева. Абсолютный контроль.

— Прощайте, — сказал Ратмир.

— До встречи, майор, — ответил Волков и снова повернулся к окну, к своим владениям.

Его проводили тем же путём. Калитка закрылась за его спиной с тихим, но окончательным щелчком.

Ратмир стоял у ворот, глядя на дорогу, уходящую в сторону Заовражья. Встреча прошла не так, как он ожидал. Волков не был картонным злодеем. Он был... рациональным. Холодным прагматиком, который видел в нём не врага, а неудобство. И предлагал не убийство, а нейтрализацию через ассимиляцию. Это было в разы опаснее. И в разы умнее.

И ещё один момент. Волков знал про «Перевал». Но когда Ратмир спросил, кто его ищет, в его глазах не было понимания. Было что-то другое. Осторожность. Как будто он и сам боялся кого-то. Или чего-то.

Мысль билась в его голове, как птица в стекло: нейтрализация через ассимиляцию. Это было тоньше, умнее, чем грубая сила. Волков не хотел его смерти — он хотел его полезности. Мёртвый майор — это труп, который могут найти, расследование, лишние вопросы. Живой, работающий на него Дроздов — это и живой щит, и демонстрация силы, и, возможно, источник

информации. Если, конечно, память когда-нибудь вернётся. А если не вернётся — так и будет тихим, управляемым инвалидом в золотой клетке.

Ратмир закурил, впервые за много месяцев. Дым ворвался в лёгкие, горький и резкий. Он кашлянул, но затянулся снова. Потом бросил окурок в грязь и пошёл прочь от склада. Не в сторону дома. Он направился к лесу. Ему нужно было побыть одному. Послушать тишину. И решить, на чью правду ему поставить — на правду сильного, который предлагает клетку, или на правду прекрасной лгуни, которая ведёт его в темноту.

Лес встретил его знакомым запахом прели и сырости. Ноги сами несли по вытоптаным тропам, а сознание лихорадочно анализировало каждое слово, каждый жест.

«Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь». Что именно он знал? Только официальную легенду? Или... больше? Знание про «Перевал» могло быть утечкой из архивов. Но тон... тон был слишком личным. Как будто Волков не просто читал справку, а был как-то причастен.

Он уже собирался свернуть к своей просеке, когда его взгляд упал на землю у подножия сосны. Что-то блеснуло. Не природное. Он подошёл, наклонился. В хвое лежала гильза. Не охотничья, а пистолетная. 9 мм. Латунная, относительно свежая — патина только начинала появляться. Он поднял её, покрутил в пальцах. На дне — клеймо. Он стёр пальцем грязь. «Тульский завод. 2018».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.